

Чжу Цзылин чувствовал небывалый азарт. Редко когда на него нападало подобное «усердие», и он один за другим свернул несколько роллов. Наевшись сам, юноша позаботился о том, чтобы оставшегося угощения с лихвой хватило и Жун Чжао.

Повара, чьи руки были куда проворнее, быстро накрутили суши с самыми разными начинками — в ход пошли даже такие сомнительные сочетания, как лук-порей и чеснок.

Попробовав легкую версию, приготовленную специально для Ли-вана, Чжу Цзылин принялся за эксперименты. Стоило признать: классика стала классикой не на пустом месте. Перепробовав множество вариантов, он пришел к выводу, что большинство из них уступают его роллам с крабом и рыбой — вкусы ингредиентов в новинках сочетались не так гармонично.

Впрочем, попадались и настоящие жемчужины. Например, сочетание хрустящего бамбука с вяленным мясом: солоноватый, насыщенный и одновременно свежий вкус, дополненный интересной игрой текстур, заставлял руку саму тянуться за следующим кусочком. Правда, на вкус это уже мало напоминало суши.

Однако, в отличие от ванфэй, у остальных не было предубеждений насчет того, каким должно быть это блюдо. Слуги решили, что так и задумано. Отобрав после дегустации наиболее удачные варианты — как сладкие, так и соленые, — повара даже вознамерились попробовать заменить обычный белый рис на другие сорта или вовсе использовать обжаренный рис со специями.

В итоге их творения ушли далеко от канонов того будущего, которое помнил юноша, и обрели отчетливый колорит Великой Ци.

Поскольку суши сочетали в себе и сытный рис, и овощи, и мясо, а салатная заправка почти целиком состояла из масла, блюдо оказалось весьма питательным. Съев по паре штук каждого вида, Чжу Цзылин почувствовал, что его живот стал совсем круглым.

Самое время было отправиться к мужу и проявить немного «супружеского рвения».

Все знали, что суши, приготовленные лично ванфэй, предназначались для князя, поэтому никто не смел к ним прикоснуться. Цзылин отобрал десяток самых симпатичных кусочков, а остальное предложил поварам разделить между собой. Те, однако, испуганно замахали руками, наперебой твердя, что не посмеют.

— Это же приготовлено руками ванфэй для Его Высочества, как мы можем на такое покушаться?

Юноша не придал их словам значения и беспечно ответил:

— Он всё равно столько не съест. Не пропадать же добру?

— Эти суши так и просятся в рот, к тому же их сделали вы сами — вдруг Ваше Высочество сегодня съест больше обычного? — возразил Дэн Жун. — К тому же, если он не доест сейчас, то может захотеть позже. Узнав, что мы распорядились вашим подарком по своему усмотрению, Ли-ван непременно разгневается.

«Стало быть, они решили оставить Жун Чжао объедки?»

Чжу Цзылин лишь мысленно развел руками. Спорить с ними было бесполезно, поэтому он просто подхватил тарелку и направился к супругу.

***

В кабинете Жун Чжао в это время обсуждал дела с Фан Цзянем.

— Говорят, принцесса Аньпин — близкая подруга той барышни из семьи Тань. Вполне вероятно, что она намеренно решила досадить ванфэй, — докладывал советник.

Госпожа Тань была одной из тех невест, которых князь якобы «свел в могилу». Хозяйка пира и раньше не ладила с Ли-ваном, так что её неприязнь, подогреваемая местью за подругу и выплеснутая на Чжу Цзылина, выглядела вполне логично.

— Но поведение мачехи ванфэй вызывает подозрения, — Фан Цзянь нахмурился. — Женщина осмелилась на глазах у всех вбивать клин между вашим супругом и Вашим Высочеством. Она явно что-то замышляет! Наверняка действует по чьей-то указке, иначе ей от этого никакой выгоды. Да и тот Вэн Цзэ, что появился позже... Очевидно, они подготовились.

— Принцесса Аньпин устроила этот пир и специально пригласила госпожу Ху. Не исключено, что она замешана в этом деле больше, чем кажется! — продолжал он. — Впрочем, возможно, она просто хотела позлить ванфэй и не знала о планах мачехи. Прикажете разузнать подробнее?

Жун Чжао отозвался холодным, бесстрастным тоном:

— Разве есть нужда проверять? Кто еще, по-твоему, мог подговорить людей на подобное?

Фан Цзянь задумался лишь на мгновение и помрачнел:

— Вы имеете в виду... Юй-вана?

Цзинь-ван в последнее время начал искать их расположения, так что ссора между супругами ему была невыгодна.

Император Юнсюань, хоть и пытался выставить Жун Чжао виноватым в глазах Чжу Цзылина, делал это лишь для того, чтобы обелить себя, а вовсе не ради того, чтобы разрушить этот брак и спровоцировать скандал. В конце концов, это он даровал им союз, и позор пал бы и на его голову.

Оставался только Юй-ван. Этот человек использовал любую возможность, чтобы подорвать авторитет князя, питая особую слабость к подобным подковерным интригам. К тому же поместье графа Сяовэня, откуда была родом госпожа Ху, давно превратилось в верного пса принца Юй. То, что тот решил использовать её, чтобы доставить неприятности Жун Чжао, выглядело совершенно естественно.

Кроме клики Юй-вана, сейчас вряд ли у кого-то хватило бы дерзости или нужды задирать Ли-вана.

— Что прикажете делать? — спросил Фан Цзянь, гадая, не стоит ли нанести ответный удар. — И непонятно, участвовала ли в этом принцесса Аньпин. Неужто великая принцесса тоже переметнулась на сторону Юй-вана?

Когда Юнсюань был простым принцем, никто не верил в его успех. Он напоминал нынешнего пятого принца, который даже не участвовал в борьбе за трон. Его мать не отличалась знатным происхождением, и трон достался ему лишь потому, что остальные претенденты в пылу борьбы уничтожили друг друга. Не имея за спиной могущественного клана, государь поначалу не обладал в императорской семье ни весом, ни авторитетом.

В отличие от него, Великая принцесса была старшей дочерью от законной супруги и пользовалась безграничной любовью покойного императора. Она давно имела огромное влияние в столице, и даже нынешний император относился к ней с почтением.

Прежде великая принцесса не сближалась ни с кем из принцев. Участие в борьбе за престол — дело рискованное, и неверная ставка могла стоить ей головы. Сохраняя нейтралитет, она при любом правителе оставалась бы уважаемой особой. Однако тайные ставки исключать было нельзя — риск велик, но и куш огромен. Если её дочь действительно действует по указке Юй-вана, это дурной знак.

Впрочем, Жун Чжао это мало заботило. Он не собирался захватывать власть с помощью интриг и сладких речей. Такие люди, как великая принцесса — обладающие влиянием в гостиных, но не имеющие ни реальной власти, ни армии — никогда не входили в круг его интересов. Ученые мужи нужны для управления государством, но если в Великой Ци станет одной принцессой меньше, ничего не изменится. Даже если она на стороне Юй-вана, её слова не станут для него серьезной помехой.

— Сначала займись госпожой Ху и графом Сяовэнем, — холодно распорядился Жун Чжао. —

Второй брат любит натравливать своих псов на окружающих? Что же, пришло время отрубить эту собачью лапу.

Фан Цзянь поспешно кивнул и, вспомнив кое-что еще, добавил:

— Кстати, Ваше Высочество, мы ведь взяли под надзор те лавки и поместья ванфэй. Прибыль там, честно говоря, посредственная. К тому же, как только там появились наши люди, старые клиенты разбежались. Сейчас они почти ничего не приносят. Не лучше ли сменить род деятельности и открыть их заново? Скажем, будто мы их перекупили.

Обычно знатные семьи не продают имущество, если только не разорены, а лишь приумножают его. Но у поместья князя Ли была своя репутация. Люди Жун Чжао вели дела повсюду, но никогда не делали это под вывеской Поместья князя Ли, чтобы не отпугивать покупателей.

Жун Чжао промолчал. Супруг доверил ему эти дела и даже надеялся на проценты, а теперь выходило, что поместье принесет лишь убытки...

— Мне кажется, лавка сладостей была бы отличным решением, — с энтузиазмом продолжал советник. — Те новые деликатесы, что придумывает ванфэй — они же удивительные! Если открыть лавку, мы озолотимся!

Князь на мгновение задумался, а затем бесстрастно произнес:

— Я спрошу его об этом.

— Невиданные диковинки, если их еще и подать по красивее, да из дорогих продуктов... Благородные господа будут платить втридорога! — не унимался Фан Цзянь. — Ванфэй ни за что не откажется от такой выгоды. Было бы чудесно, если бы он придумал еще несколько подобных рецептов...

После того как Сяо Юэмин наставил советника на путь истинный, тот перестал подозревать Чжу Цзылина во всех смертных грехах. И теперь, наконец, мог не сдерживать своего восхищения его кулинарными талантами.

Жун Чжао заметил, что отношение подчинённого к супругу явно потеплело. Он бросил на него короткий недоуменный взгляд, но расспрашивать не стал.

«Должно быть, даже такой тугодум, как Фан Цзянь, наконец осознал, что Чжу Цзылин питает ко мне нежные чувства. Впрочем, неудивительно. Видя, как он липнет ко мне трижды в день и постоянно хлопчет на кухне, это понял бы и слепец. Сяо Юэмин и Ван Сянхэ догадались об этом уже через пару дней».

Кстати говоря, Цзылин обещал принести днем что-то новенькое.

«Кажется, пришел».

Фан Цзянь, не подозревая, что Ли-ван считает его недалеким, продолжал рассуждать о делах:

— Кроме лавки сладостей, скоро возвращается торговый караван, можно открыть еще пару направлений...

При упоминании каравана Жун Чжао вернулся к реальности.

— Слышал, из-за прошлогоднего наводнения на юге лекарственных трав собрали мало, зато с нефритом дела обстоят неплохо — прибыль вышла даже больше прежнего. К тому же удалось наладить связи с вождями местных племен. Может, в следующем году сосредоточимся на этом?

Князь едва заметно качнул головой.

— Деньги — дело второе. Главное — добывать то, в чем мы нуждаемся: продовольствие и лекарства. Когда придет нужда, их может не оказаться в продаже даже за золото. Рассчитывать на то, что мы выменяем их внутри страны, слишком ненадежно.

Торговые пути Жун Чжао тянулись на север, запад и юг, и у каждого отряда были свои задачи. Он всегда подчеркивал, какие именно ресурсы должны быть доставлены в Великую Ци. На этот раз...

Его мысли прервал тихий стук в дверь.

Жун Чжао отогнал посторонние думы, скрыл все эмоции за привычной маской бесстрастия и велел войти.

Чжу Цзылин на этот раз твердо вознамерился убедить мужа, что его преданность чиста, как горный хрусталь, и все слова, сказанные Вэнь Цы, были лишь пустой болтовней. Поэтому он вошел с самой лучезарной улыбкой.

— Ваше Высочество трудились весь день, должно быть, устали. Попробуйте суши, которые я для вас приготовил, — проговорил он елейным, услужливым тоном, открывая коробку. Перед глазами Жун Чжао предстали десяток с лишним изящно разложенных кусочков.

Роллы напоминали маленькие круглые пирожные. Резкого аромата от них не исходило, но игра красок и безупречная форма немедленно пробуждали аппетит. Фан Цзянь, пускай и не чувствовал манящих запахов, при виде нового творения ванфэй ощутил, как у него непроизвольно потекли слюнки.

— На этот раз я приготовил их собственноручно, — подчеркнул Цзылин. — Специально подбирал ингредиенты под ваш вкус: никакого жира и лишнего сахара. Пришлось повозиться!

Юноша говорил так, будто совершил настоящий подвиг, хотя на деле самую трудоемкую работу — подготовку хайтай и нарезку продуктов — выполнили повара. Сам же он потратил от силы четверть часа, сворачивая рулеты.

К несчастью для него, Жун Чжао вместо ожидаемого умиления лишь нахмурился. Раз Чжу Цзылин подчеркивает, что сегодня готовил сам, значит... прежде всё было иначе?

Князь вспомнил, как выпроводил Фан Цзяня под предлогом того, что еду, приготовленную ванфэй, нельзя давать посторонним, и его лицо помрачнело.

Впрочем, чтобы не давать советнику повода для размышлений, Жун Чжао промолчал и просто взял один кусочек.

Сначала язык ощутил вкус хайтай — хрустящий, лишь с легким намеком на соль. Следом — рис: упругий, сладковатый, идеально сочетающийся с водорослями. Вкус маринованного редиса, свежий и слегка кислый, врывался следом, переплетаясь с нежностью омлета и пушистым жоусуном. Финальным аккордом стало сочное мясо краба и соус с едва уловимым, необычным оттенком — вместе они создавали безупречную симфонию.

Это блюдо действительно отвечало вкусам князя: оно было легким, но отнюдь не пресным. Пока он жевал, его суровое лицо невольно расслабилось. Проглотив первый кусочек, он поднял взгляд на юношу:

— Как, ты сказал, это называется?

— Суши.

Князь на мгновение замялся.

— И почему такое название?

Суши... Это слово никак не вязалось с тем, что лежало на тарелке. По логике Чжу Цзылина, это следовало назвать «рисовыми лепешками» или «завернутой в рис едой».

— Это... Я видел этот рецепт в одной старой книге, там его так и называли, — выкрутился Цзылин. Он решил не упоминать, что это блюдо из западных земель. Видя, как Жун Чжао переспрашивает название, он понял: угощение пришлось князю по душе. А узнай он о его происхождении, мог бы и рассердиться.

— И как Вашему Высочеству? Вкусно?

Жун Чжао помолчал секунду.

— Приемлемо.

Это «приемлемо» было самой высокой похвалой из всех, что Цзылин слышал от него прежде. Решив, что цель достигнута, юноша довольно улыбнулся:

— Тогда кушайте побольше. Я принес лишь малую часть, на кухне еще целая гора осталась. Я всё сделал своими руками, так что, если не хватит — скажите.

Жун Чжао снова помрачнел. Этих десяти штук ему хватило бы на два полноценных приема пищи, а на кухне еще «гора»? Он понял, что на этот раз запретить остальным доедать за ванфэй не получится.

Чжу Цзылин еще какое-то время покрутился рядом, в очередной раз заверив «источник пропитания» в своей безграничной преданности, и, увидев, что тот съел еще пару штук, с чувством выполненного долга удалился.

Фан Цзянь, оставшись в кабинете, едва сдерживался. Прежние сладости, которые Жун Чжао отвергал, казались советнику божественными. А уж если суши понравились самому князю, то каковы же они на вкус? Он не сводил горящего взгляда с нарядных роллов.

— Ваше Высочество, — наконец не выдержал он, — не велите ли принести еще одну тарелку с кухни?

Смотреть и не иметь возможности попробовать было выше его сил. Пускай ему не достанется еды от ванфэй, но он был согласен и на работу простых поваров!

Жун Чжао холодно взглянул на него.

— Иди и ешь прямо на кухне.

С глаз долой — из сердца вон.

— А? — Фан Цзянь растерянно моргнул, в очередной раз обнаружив себя выставленным за дверь. Прежде, пока ванфэй не переступил порог этого дома, он всегда мог рассчитывать на угощение в кабинете князя. Почему же теперь ему мало того, что не дают долю Вашего Высочества, так еще и в комнате оставаться запрещают?

Пока в Поместье князя Ли всё внимание было приковано к суши, пир принцессы Аньпин подошел к концу. Знатные дамы разъехались по домам, и вскоре сплетни о происшествии — а особенно о скандальном поведении мачехи Чжу Цзылина — начали тихими волнами расходиться по высшему свету столицы.

Главная героиня пересудов, госпожа Ху, уже пришла в себя и, стараясь не привлекать внимания, в закрытом экипаже вернулась в поместье Чжу. Пока в доме было тихо, но женщина не чувствовала облегчения. Стоило ей представить, что ждет её через несколько дней, как ей снова хотелось лишиться чувств.

Отныне её репутации пришел конец — она станет посмешищем для всех благородных дам. И что еще хуже: имя и честь в их кругу порой важнее жизни. Её позор ляжет тенью на сына, мужа и всю её родню. Чжу Жуйхун больше всего на свете дорожил своим добрым именем. Узнав о случившемся, он, может, и не разведется с ней, но жизни ей не даст. А если недруги используют этот случай, чтобы ударить по его карьере, он и вовсе не станет слушать её оправданий.

Сердце госпожи Ху разрывалось от ненависти и страха. Всё из-за этого проклятого Чжу Цзылина! Наверняка он применил какое-то колдовство, заставив её выболтать лишнее. Теперь оставалось лишь надеяться, что их план с принцессой Аньпин сработает и поможет хоть немного поправить положение.

На самом пиру женщина потеряла сознание лишь на краткий миг — годы еще не брали своего, и она быстро пришла в себя. Однако ужас сковал её, она не могла заставить себя вернуться к гостям и поспешила откланяться.

Но люди принцессы Аньпин преградили ей путь. Когда страх госты достиг предела, принцесса наконец явилась к ней и холодно спросила:

— Госпожа Ху, как ваше самочувствие?

Та выдавила из себя подобие улыбки.

— Благодарю за заботу, Ваше Высочество. Лишь легкое головокружение, ничего серьезного. Я вернусь домой и немного отдохну.

— Не торопитесь, — Аньпин нахмурилась. — Сначала объясните, что сегодня произошло. Я звала вас, чтобы вы выставили супруга Ли-вана в дурном свете, а не для того, чтобы вы сами опозорились на глазах у всей столицы.

Госпожа Ху застыла. Она была супругой министра, титулованной дамой первого ранга и, в конце концов, старше принцессы по возрасту. То, как эта девчонка помыкала ею, вызывало ярость. Но после сегодняшнего провала у неё не было сил спорить. Она лишь покорно склонила голову.

— Простите меня, Ваше Высочество. Этот Чжу Цзылин оказался крепким орешком, я ничего не смогла с ним поделаться. К тому же, вы знаете об указаниях Его Высочества Юй-вана... Я не смела перечить вашей воле, но и его приказ не могла проигнорировать...

Юй-ван через её отца, графа Сяовэня, велел ей втереться в доверие к Цзылину, чтобы рассорить его с Жун Чжао. Принцесса Аньпин знала об этом и даже предоставила ей повод для встречи, но внезапно потребовала опозорить пасынка. Но как можно расположить к себе человека, если ты прилюдно унижаешь его?

Приказ хозяйки пира больше отвечал желаниям самой госпожи Ху, но Юй-ван был несравнимо важнее. Ей пришлось, наступив на горло собственной песне, расточать пасынку льстивые похвалы — и в итоге не только самой оказаться в дураках, но и выслушивать попреки. Обида жгла ей сердце.

Принцесса же лишь презрительно фыркнула:

— Похоже, вы не справились ни с тем, ни с другим. Только и сумели, что выставить себя посмешищем. После того что вы наговорили при всех... Мы с кузенном явно переоценили ваши способности.

Лицо женщины то бледнело, то наливалось краской. Она со свистом выдохнула и со злобой прошипела:

— Это всё потому, что с Чжу Цзылином что-то не так! Словно бесы попутали меня в тот миг!

Собеседница скривила губы в усмешке:

— Не бесы, а глупость. Столько людей смотрело, и никто не видел, чтобы ванфэй хоть пальцем шевельнул. Почему же больше никто не пострадал?

— Я говорю правду! — вскричала госпожа Ху. — В Чжу Цзылина вселился злой дух! Это он одурманил мой разум своим колдовством! Помните, когда он упал в воду и слег в лихорадке? Лекари в один голос твердили, что он не жилец, но он не просто выжил — он поправился с пугающей быстротой! Его аппетит стал чудовищным, он ест не переставая, перестал узнавать родных и даже избил собственного брата!

— Обычный человек давно бы лопнул от такого количества еды, а он скачет как ни в чем не бывало и даже веса не прибавил. Разве это не «голодный демон», укравший чужое тело?! Я хотела позвать монахов-экзорцистов, но император внезапно даровал этот брак, и тварь ускользнула. Теперь этот демон окреп и начал губить людей своими чарами!

Видя, с каким отчаянием и убежденностью говорит женщина, Аньпин невольно заколебалась.

— Ты серьезно?

— Клянусь чем угодно! — госпожа Ху едва не задыхалась от волнения. — Слуги в нашем доме могут подтвердить каждое мое слово, и лекаря можно расспросить. Я не солгала ни в чем!

Принцесса на мгновение задумалась и вдруг издевательски рассмеялась.

— Если так, то выходит, Жун Чжао взял в жены какого-то безвестного голодного покойника?

Она презрительно фыркнула:

— Демон и зловещая звезда... Что ж, они — идеальная пара.

<http://bllate.org/book/15829/1436897>